Преображенская Галина

23.12.95.

ДАЖЕ ЦВЕТОК ПОД МУЗЫКУ ЛУЧШЕ РАСТЕТ

Труд. – 1995. – 23 дек. – С. 5.

Беседа с заслуженной артисткой России Галиной Преображенской о месте Моцарта и Чайковского в нашей жизни

Увы, классическая музыка стала редким гостем даже в концертных залах, не говоря уж о радио (кроме благородного "Орфея")и особенно телевидении. Одним из немногих исключений остается телевизионная программа Галины ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ. С хозяйкой музыкального салона мы и решили поговорить о том, что же происходит с музыкой в том числе на TV.

— Я категорически не согласна с поминальными рыданиями по поводу классического искусства! Не верю россказням о пустых залах. Может быть, потому, что сама таковых не видела: и в зале Чайковского, и у меня в салоне аншлаг. Не говоря уже об эстраде в "Сокольниках", где вход бесплатный.

— Но ясно, что дороговизна билетов "отсекает" значительную часть аудитории.

— Увы, часто вместо тех, кому это действительно нужно, приходят другие, для которых поприсутствовать — вопрос престижа. Это было бы не страшно, если бы остальной зритель не оставался в "вакууме".

— А вот поп-музыка не знает "вакуума". Попробовали бы ее не показать по телевидению!

— Это следствие давно начавшегося кризиса, например — "уцененных" концертов, которыми занимается филармония. Сравните пусть безвкусное, но яркое, красочное, богатое зрелище эстрадного концерта с серым, будничным дешевым филармоническим выступлением где-нибудь в фойе строительного общежития. Артист, который сегодня получает 10—20 тысяч рублей за выступление, вряд ли кого-то сумеет пленить. Вам понравится плохо одетая, измученная дешевыми концертами и подработками "на стороне" нищая артистка в стоптанных туфлях? Да зачастую не желающая "метать бисер" за бесценок. А ведь нет ничего более неприятного, чем плохое исполнение даже самой хорошей музыки. Классическая музыка не имеет право быть нищей.

— Вы сами работали в филармонии...

— И очень хорошо понимаю, какой вред принесли долгие годы опускания до уровня масс... Но мне посчастливилось работать и со многими талантливейшими, преданными искусству людьми.

Однажды с двумя артистами балета мы приехали по приглашению на птицефабрику маленького городка. Полный зал зрителей: всех с работы отпустили. А на сцене — ни пианино, ни магнитофона — как без музыки работать? Я выхожу на сцену и рассказываю, что существует такой жанр — мелодекламация. И что есть язык танца. Начинаю не торопясь вслух сочинять новеллу о молодом Бетховене, страстно влюбленном в шестнадцатилетнюю Джульетту... Я говорила, говорила, не умолкая, видела, как они танцуют под мой рассказ, и мне казалось, что звучит музыка. Зрители думали, что все так и было задумано...

— Восприятие серьезной музыки дается от Бога или эту способность можно развивать, воспитывать?

— Колоссальные результаты дает не воспитание любви к музыке, а воспитание музыкой. Учеными доказано, что даже цветок под музыку лучше растет.

Вообще людей, которые бы категорически не хотели ее воспринимать, очень мало. Мне доводилось выступать в ПТУ для трудновоспитуемых подростков. Еще до начала концерта несколько ребят демонстративно покинули зал, гогоча и громко шаркая.

Остальные слушали так, как будто ждали этого всю жизнь. Единственным плохим зрителем была воспитательница, которая то засыпала и начинала храпеть, то, проснувшись, начинала громко кричать на кого-нибудь из подростков. В своей телепередаче мне меньше всего хотелось бы кого-то "перековывать" и что-то прививать. Просто делаю то, что нравится. Я люблю свою аудиторию и во многом интуитивно нахожу с ней контакт.

— И все-таки классическая музыка уходит с телевидения. Почему?

— Возможно, люди из той когорты, которая демонстративно уходит с концертов, хлопая дверью, сегодня руководят культурой. Люди с дурным вкусом получили возможность "формировать" пристрастия телеаудитории.

А у людей, занимающихся серьезной музыкой, зачастую нет денег не только на то, чтобы покупать эфир, но и на то, чтобы просто сделать приличную съемку: нанять хороших операторов, поставить красивый свет...

— Вы же говорили, что классические концерты становятся престижными. Неужели не можете найти меценатов?

— Меценатов нынче на Руси нет. Есть спонсоры, которые, вкладывают деньги, требуя не только немедленной прибыли, но и угождения своему, зачастую примитивному пониманию искусства. Это настолько плачевно, что и говорить не хочется... Деньги на нужды классического искусства должно давать государство.

Я считаю, что на культурно-просветительские, социально значимые программы должен существовать госзаказ. Через Министерство культуры или еще как-то, но без государственного финансирования настоящему искусству на телевидении не удержаться. А в условиях, когда билеты в концертные залы действительно недоступны значительной части общества, только телевидение способно донести до людей красоту и воспитательный заряд, которые несет в себе настоящая культура, в частности музыкальная классика. Нельзя допустить, чтобы миллионы наших сограждан прожили жизнь, не услышав творений Моцарта и Скрябина, Чайковского и Бетховена. Неужели не понятно, что от этого зависит духовное здоровье нации?

— Многим кажется, что наше государство уже никому ничего не должно...

— Есть области человеческой деятельности, которые незыблемы, бессмертны. Но если государство им не поможет, то само погибнет. Государство не выживет, перестанет существовать как самостоятельная единица, если потеряет науку, литературу, искусство.

Беда и счастье классической музыки в том, что она никогда в жизни не существовала на самоокупаемости. Ей либо царь-государь, либо промышленники, дворяне всегда помогали. Помогали потому, что нужна.

— Кстати, как вы относитесь к нашей современной эстраде?

— Попробуйте плохим, вульгарным голосом пропеть благородную фразу. Не выйдет ничего. Так что форма и содержание нашей эстрады соответствуют друг другу. Есть, конечно, прекрасные исполнители, но и на них, увы, сказывается странное влияние нового русского шлягера, замешенного то ли на нравах зоны, то ли публичного дома.

—Падение нравов значительной части общества становится все очевиднее. Вы считаете, классическая музыка может его остановить?

— Знаете, вот я выхожу на сцену, в зал — там так все прекрасно, радужно, такие люди замечательные... А потом — улица, троллейбус, хамство на каждом шагу, грязь. Безнадега... Иногда видишь человека в зале, его просветленный взгляд, думаешь: ну неужели, он может так запросто завтра напиться, нахамить, устроить мордобой?

Мне кажется, что хорошая музыка, зал, где она звучит, — это оазис, в котором человек может хоть какое-то время побыть самим собой, оставить на время все лишнее — суету, агрессивность, переходящую порой в жестокость... Если бы таких оазисов было больше, если бы почаще бывать в них — мы не то чтобы вдруг станем лучше, но по-доброму будем сильнее.

Вел беседу
Михаил ЗУБОВ.

36